УДК 81-114.2

КОНЦЕПТ. ОБРАЗ. ЯЗЫК (ЧАСТЬ II)*

Е. Б. Артеменко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 10 февраля 2015 г.

Аннотация: *в данной, второй части статьи концепт рассматривается как явление культуры; обосновывается положение о языковой природе семиотических основ культурного концепта и о характере его культурно-языкового оснащения.*
Ключевые слова: *концепт, культура, культурная значимость, мировидение, язык.*

Abstract: *in the second part of the article a concept is seen as a cultural phenomenon. The author proves the thesis about linguistic nature of semiotic foundations of a concept and nature of its cultural and linguistic equipment.*
Key words: *concept, culture, cultural significance, worldview, language.*

В первой части настоящей статьи мы попытались подвергнуть анализу наметившееся в когнитивной лингвистике противоречие между идеей концепта как единицы знания и разделяемым некоторыми исследователями положением о перцептивном образе как универсальном средстве экспликации концепта. Было показано, что социальная природа концептов, содержащих логический компонент (resp. обобщенно-социальный характер знаний логического типа), предполагает существование и функционирование концептуальных структур названного типа на основе универсального знакового коммуникативного субстрата – языка.

Перцептивный же образ, как скоропреходящий индивидуальный продукт психической деятельности, лишенный способности выхода в интерсубъектное пространство, выступать в обозначенной функции в качестве альтернативы языку неспособен.

Об органическом единстве концепта и языковой субстанции, концептосферы народа и его языка как облигаторного социально-коммуникативного субстрата концептуально-логического содержания свидетельствует и подход к концептуальным структурам с позиции культуры. Анализ некоторых сторон взаимоотношения языка и концепта как культурного феномена составил содержание настоящей, заключительной, части статьи.

Факт выполнения концептом функции единицы знания вводит его в проблематику культуры.

Идею взаимосвязи культуры и языка, влияния первой на второй предвосхитил в 20–30-е гг. XIX в. в концепции народного духа гениальный основоположник теоретического языкознания В. Гумбольдт. Народный дух в интерпретации ученого – это ментальная категория, свойственное этносу духовное начало, система психических установок, фиксирующая его видение и понимание мира (или, как писал сам Гумбольдт, его мировоззрение) и определяющая его духовное своеобразие. При этом утверждалось органическое единство духовных основ народа и его языка: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, с. 68]. Определяющая роль в этом единстве отводилась ученым народному духу: язык служит орудием его объективации. Самобытность духовных основ и характера этноса получает отражение и выражение в эксплицирующих их формах соответствующего языка.

Язык, в свою очередь, представляет собой единство формы и материи. Приоритетная организующая роль народного духа в его взаимодействии с языком реализуется по отношению к материи языка посредством формы последнего.

Форма языка (главным образом, его внутренняя форма) – это активное творческое начало, организующее языковую материю в соответствии с воплотившимся в духовном организме народа мировидением, в первую очередь, в соответствии со взглядом на мир под углом зрения характерной для данного народа дифференциации (членения) его на отдельные фрагменты, стороны, объекты со свойственными этим сторонам и объектам отношениями. Таким образом,

* Часть I настоящей статьи см.: Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 85–91.

© Артеменко Е. Б., 2015

форма языка стала в концепции Гумбольдта инструментом, осуществляющим проекцию на языковой материал специфических особенностей свойственного этносу восприятия и понимания действительности. В то же время форма языка явилась прообразом языковой структуры как сети отношений, воспроизводящей в языке отношения различных деталей конституируемого этническим сознанием мировидения. Тем самым понятием формы в интерпретацию языка привносилась идея отношения, ergo, идея его, языка, системной организации[1].

Несходство духовных основ народов делает их языки носителями различных взглядов на мир, средством представления неодинаковых способов и форм его организации: «Их [языков. – *Е. А.*] различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений» [3, с. 319]; «<…> каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [1, с. 80].

В то же время в условиях представления языками разных народов организации мира в нетождественных, по Гумбольдту, субъективных, формах континуум объективных знаний существует в рассредоточенном между языками и независимом от них состоянии: «Совокупность познаваемого – как целина, которую надлежит обработать человеческой мысли, – лежит между всеми языками и независима от них» [3, с. 319]. Человек же может получить доступ к сфере объективного только присущим ему субъективным способом – «через особенности языкового своеобразия», выделяя в языках область субъективного и вычленяя из нее объективные данные, в частности путем сопоставления субъективных презентаций действительности разными языками.

Однако более полного анализа проблема в трудах Гумбольдта не получила. В условиях неразработанности намеченной им же идеи языка / речи ученый и не мог этого сделать. Думается, что данное обстоятельство могло послужить одной из основных, если не основной причиной необоснованного обвинения ученого в релятивизме и, особенно в советской науке, в лингвистическом агностицизме.

Актуализированный гипотезой Сепира – Уорфа через сто лет после Гумбольдта интерес к проблеме различия языковых мировидений получил выражение в теории лингвистической относительности – модифицированной в культурологическом аспекте редакции взглядов ученого. Следствием явилось становление новой научной дисциплины – лингвокультурологии. Однако поставленная Гумбольдтом проблема отношения в языке объективного и субъективного начал в условиях связи структурной организации языка с духовными основами (культурой) этноса продолжает быть актуальной, особенно в плане выяснения онтологических основ того элемента языковой семантики, который стоит за распределением между языками «совокупности познаваемого» и отношения этого элемента к структуре концепта.

В обозначенном аспекте представляются существенными следующие положения.

Многоаспектный характер культуры провоцировал выражение ее сущности в нескольких сотнях дефиниций и характеристик. Актуальными в рамках настоящего анализа являются две из них. Это, во-первых, характеристика культуры Ю. М. Лотманом [4], Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским [5] посредством указания ее признаков, которые в их единстве представляют культуру как существующую в материальной и духовной формах ненаследственную информацию («память коллектива»), фиксирующую исторический опыт народа и распространяющую его по синхроническому и диахроническому каналам. Во-вторых, это функционально-деятельностная характеристика культуры названными учеными. Основная функция или, как пишут авторы, «работа» культуры состоит «<…> в структурной организации окружающего человека мира. Культура – генератор структурности, и этим она создает вокруг человека социальную сферу, которая, подобно биосфере, делает возможной жизнь, правда, не органическую, а общественную. <…> культура по определению есть социальное явление» [5, с. 487].

Как следует из этой характеристики, основной функцией культуры является структурная организация окружающей человеческое сообщество действительности с социальных позиций, т.е. преобразование ее с позиций предписываемого и пропагандируемого данной культурой мироустройства в социально дифференцированное и детерминированное пространство.

Продуктом структурообразующей деятельности культуры и орудием этой деятельности является формируемая ею картина мира. Это ментальное образование, фиксирующее, воспроизводящее и демонстрирующее своей структурой предусматриваемое определенной культурой мироустройство. «Наша собственная культура, – пишет Н. Б. Лебедева, – задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую картину мира» [6, с. 21]. Направление же и характер деятельности культуры по организации действительности определяются содержанием фиксируемого ею исторического опыта народа (вспомним приведенную выше характеристику культуры Ю. М. Лотманом) в формах обусловливаемого этим опытом видения и понимания народом действитель-

[1] Не случайно Ф. де Соссюр использовал термин форма языка Гумбольдта для обозначения в границах языковой системы сферы отношений между ее элементами [2].

ности: картина мира как орудие культуры, указывает известный лингвокультуролог В. И. Постовалова, осуществляет «смысловое конструирование мира в соответствии с определенной логикой мировидения и миропонимания» [7, с. 60].

Все это сближает понятие культуры, и прежде всего ее базисного компонента – картины мира, с понятием народного духа Гумбольдта, делает их изоморфными, однопорядковыми явлениями. Однако ставить между ними знак равенства было бы, по-видимому, не совсем корректно. Культура представляет собой в обозначенном плане сущность более содержательную и масштабную. Одним из характерных свойств культуры является ее ярко выраженная акционально-ориентационная, социорегламентирующая направленность. Картина мира не только презентирует в общественном сознании ментальный облик структурируемой культурой действительности, но и направляет организацию последней в соответствии со структурой этого облика уже не в идеальных, а в реальных формах.

Представляя собой действенное, императивное начало, регулятив общественного бытия, картина мира, указывает В. И. Постовалова, служит «универсальным ориентиром человеческой деятельности», регламентирует жизнь социума и каждого его члена – «задает нормы поведения человека в мире», способствует его адаптации к условиям социальной среды, обеспечивает «человеческое взаимообщение и понимание» [7, с. 22–26]. Мы живем и ведем себя в соответствии с тем, каким мы видим окружающий мир в параметрах той культуры, к которой мы принадлежим.

Вот так культурой реализуется ее основная функция, на которую указывали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, – функция создания вокруг человека социальной сферы.

Картине мира как орудию презентации культуры в этническом сознании свойствен идеальный характер («Картина мира <…> входит в класс идеального <…>» [7, с. 21]; «<…> она осуществляет смысловое конструирование мира <…> [там же, с. 60]). А это значит, что культура «работает» на материале концептуального субстрата[2], ergo, в пределах концептосферы народа, которому свойственна эта культура. В подобной ситуации общность ментальной субстанции этноконцептосферы и культуры, с одной стороны, и активно-деятельностная позиция культуры в рамках этой общности – с другой, обусловливают участие ее структурообразующих тенденций в организации концептуального континуума этноса, иными словами, ее влияние на этот континуум.

[2] В его языковом воплощении (см. об этом подробнее ниже).

Указанное влияние осуществляется прежде всего посредством представления материала этноконцептосферы в структурных формах, соответствующих онтологическим основам данной культуры / задачам организации концептуального контура картины мира как модели (образца) мироустройства, предопределяемого структурообразующими (социорегламентирующими) тенденциями культуры. Это достигается, как можно думать, путем неинтенциональной организации этническим сознанием формируемого им концептуального материала через систему универсальных структуроорганизующих параметров, представляющих этот материал с точки зрения заложенных в нем признаков соответствующей культуры. При неразработанности проблемы приводим в качестве примера лишь некоторые, мыслящиеся в первом приближении наиболее очевидными и показательными из числа обозначенных параметров.

В структурно-статистическом аспекте:

- количество концептуальных презентаций структурируемого фрагмента действительности и находящихся в его пределах объектов (или иначе: степень интенсивности (по выражению В. И. Карасика [8, с. 111], *плотность*) детализации фрагмента);
- количество образованных обозначенными презентациями концептуальных группировок;

В семантическом плане:

- предметно-признаковые приоритеты отражательно-концептуальной деятельности этносоциального сознания в пределах данного фрагмента;
- степень и характер концептуальной детализации («кадрированности») относящихся к нему объектов;
- объем и границы концептуальных структур;
- признаковые основы категоризации обозначенных структур (в частности распределения их по указанным концептуальным группировкам);

В узко-структурном аспекте: характер отношений между представляющими фрагмент концептуальными единицами и их группировками и т.д.

Актуальность подобных параметрических показателей в плане анализа влияния культуры на концептосферу народа с наибольшей очевидностью обнаруживается при сопоставлении концептуальных презентаций одного фрагмента действительности с позиции разных культур.

Иллюстрируем данное положение примером структурно-концептуальной организации фрагмента *верблюд* в русской и арабской культурах. У русских это весьма немногочисленное (исчисляемое единицами) количество концептуальных структур, презентирующих само животное (*верблюд*), его детеныша (*верблюжонок*), внешне выраженную особенность его анатомического строения (*одногорбый*, *двугорбый*), отношение, принадлежность к его сфере (*верблюжий*).

У арабов, по свидетельству семитологов, это измеряемый трех-, если не четырехзначной цифрой концептуальный блок, образуемый пространным рядом группировок, представляющих верблюда, во-первых, с позиции его природных свойств – анатомической организации, физиологических особенностей, физических возможностей (в частности, способности долгое время обходиться без пищи и воды), характера поведения (повадок) – с подразделением животных по полу, возрасту, цвету, степени упитанности; с дифференциацией типов издаваемых ими звуков и пр. Во-вторых, это ряд концептуальных группировок, представляющих верблюда с точки зрения его функций относительно человека: как домашнего животного – источника («поставщика») продуктов питания (молока, мяса), одежды (шерсти, шкур, кожи для ее изготовления); в условиях пустыни – как основного вида транспорта, в частности с точки зрения порядка следования животных при их перемещении группами; в качестве необходимого атрибута военных действий и т.д.

Приведенный пример, свидетельствуя в пользу положения о причастности культуры к организации этнической концептосферы, существен и в ином отношении. Он показывает, что обозначенные явления – обусловливаемые онтологическими основами культуры тенденции и направления ее структурообразующей деятельности и параметрические показатели, через призму которых осуществляется эта деятельность, – в проекции на отдельный концепт служат фактором, определяющим место этого концепта на формируемом культурой структурном организме этнической концептосферы (или иначе его положение как детали строительного материала картины мира данной культуры относительно других концептуальных деталей презентируемого ею мироустройства). Иными словами, указанные явления наделяют концепт свойством, изоморфным свойству значимости языковой единицы в пределах языковой системы или одного из ее уровней[3]. Это свойство реализуется в виде «кванта» культурной информации, элемента ментального сопровождения, наслаивающегося на концепт как единицу знания. Это культурная оболочка, «упаковка» логического компонента концепта, которая, представляя его в присущих ему в данной культурной среде формах (resp. в параметрах соответствующей этнокультуры), соотносит его со сферой этой культуры.

Из сказанного следует, что при несоответствии культурных основ, а значит, культурной организации концептосфер разных народов свойственный им континуум знаний об определенном фрагменте действительности эксплицируется ими в неодинаковых формах культурной значимости (в несходной культурной структурно-параметрической «упаковке»).

Приведенная информация подводит нас к определению концепта с учетом заложенного в нем культурообразующего элемента – концепта как явления культуры. С указанной точки зрения, концепт – это единица знания, представленного в форме организации его (знания) определенной культурой.

Социальный характер культуры делает непреложным существование ее концептуально-логического содержания на базе функционально-коммуникативной субстанции языка. Данное положение для сферы культуры тем более очевидно, что она, обусловливая, как социорегламентирующий фактор, существование системы определенных общественных институтов, проявляет себя не только в ментально-виртуальных, но и в реально-материальных формах.

Основополагающая роль языка как средства экспликации сферы культуры определяется не только тем, что он представляет собой субстанцию необходимого социально-коммуникативного типа, но также и тем, что ему свойственна высокая степень структурной дифференциации. Использование культурой широко детализированной системы языковых средств способствует, по мнению исследователей, осуществлению ее структуроорганизующей деятельности: «Понятно, как важно наличие в центре системы культуры такого мощного источника структурности, как язык» [5, с. 487].

Однако культура не только использует возможности богато детализированной организации языкового материала, но сама своей структурообразующей деятельностью увеличивает эти возможности, осуществляя процесс названной детализации в актуальном для нее направлении. Существование концепта в неотделимых от него формах культурной значимости обусловливает такое положение, при котором он (его логическое содержание) эксплицируется и презентируется языковыми средствами в обозначенных культурой формах (в детерминируемых ею параметрах), через эти формы. Происходит дифференциация языкового материала на основе еще одного признака – культурной значимости единиц представляемого им концептуального континуума. Тем самым языковая оболочка концепта становится носителем не только его логического компонента, но и, наряду с этим компонентом, свойственного концепту в данной культуре элемента культурной информации.

Эта информация дает о себе знать в широких масштабах – и не только, как полагают некоторые исследователи, на уровне номинаций отдельных культурно маркированных объектов (таких как *само-*

[3] И по-видимому, составляющим одну из генетических основ указанного языкового феномена (что делает оправданным употребление по отношению к данному свойству концептуальной структуры номинации культурная значимость).

вар, лапти, валенки, сани, квас), но и на уровне организации целых участков, отношения целых пластов единиц в пределах языковой системы, ее значительных по объему фрагментов – и, соответственно, на уровне производного от этой организации, не всегда четко очевидного присутствия культурного элемента в семантике языковых единиц (см. выше пример концептуального / языкового устройства фрагмента *верблюд* у арабов и русских).

Все это дает основание говорить об особом – культурологическом – аспекте осуществления языком когнитивной функции – аспекте семиотической презентации сопутствующей логико-когнитивному содержанию концепта системно-культурной информации (его культурной оболочки) и об использовании с этой целью специализированных языковых средств. И это еще одно неоспоримое свидетельство определяющей роли языка как структурно-знаковой основы, субстрата когнитивно-логической деятельности человека.

С традиционной точки зрения, языковая субстанция выступает средством экспликации логико-концептуальных основ определенной культуры. В то же время обозначенная субстанция представляет логическое содержание этих основ, как уже указывалось, в заданных культурой формах как ее концептуальный компонент. Это обстоятельство значительно расширяет и обогащает сферу функционально-когнитивных возможностей языка и демонстрирует его способность выступать в качестве универсального субстрата логического мышления в различных условиях его функционирования (в данном случае в условиях обслуживания им когнитивной сферы культуры).

В этих условиях представление разными народами фрагмента действительности с позиции различных культур создает его вариативные этно-концептуально-языковые экспликации, отличающиеся друг от друга не только, а во многих случаях и не столько степенью приближения к абсолютной истине, сколько своей культурной значимостью (несходством культурно-параметрических показателей).

Представляя народу знания о мире (фрагменте мира) в обусловленных культурой языковых формах, система языка таким образом семиотически воспроизводит своей организацией контуры картины мира соответствующей культуры и тем самым становится в той или иной степени средством объективации и презентации, носителем и показателем характерных сторон ее организации (культура → язык).

Это делает язык для человека (ребенка) имплицитным источником знания об этнической культуре, средством приобщения к ней. Усваивая родной язык в формах его организации презентируемой им культурой, ребенок воспринимает мир с точки зрения обозначенных ею принципов его устройства и тем самым овладевает основами культуры своего народа, «входит» в нее (язык → культура).

Поэтому представление фрагмента действительности в концептуально-языковых формах характерной для определенной культуры значимости становится – по принципу обратной связи – визитной карточкой этой культуры.

Приведенная информация, акцентируя внимание на специфическом характере реализации языком когнитивной функции в сфере культуры, еще раз и на менее традиционном материале демонстрирует определяющую роль языка как субстанциональной базы, субстрата когнитивно-логической деятельности человека.

Таким образом, гумбольдтианская идея единства языка и народного духа при определяющей роли в этом единстве духовных основ этноса модифицируется в современную эпоху в положение о взаимодействии языка и презентируемой им этнической культуры в аспекте влияния культуры на языковую систему – организации ее (ее фрагментов) в предопределяемых культурой формах.

Вторая, производная от обозначенной, сторона идеи Гумбольдта – мысль об обусловленном несходством духовных основ народов различии структурно-семантической организации их языков как факторе, предопределяющем несходство этнических мировидений, оборачивается, соответственно, положением о приобретении народами, принадлежащими к разным культурам, знаний, различных не в плане их концептуально-логического содержания (как позволяет думать недифференцированная трактовка проблемы Гумбольдтом), а в плане этнокультурной организации этого содержания (представления его в различном этно-концептуально-языковом выражении (оболочке, «упаковке»)).

И если несходство в структурно-семантической организации языков компенсируется существованием речи (чего еще не мог учесть Гумбольдт), то отсутствие у языка подобной альтернативы в сфере его взаимоотношения с культурой оставляет ему одну возможность – презентации знаний непосредственно через сферу культуры путем привнесения в семантику языковой единицы в качестве культурного элемента далеко не всегда «лежащей на поверхности» информации о формах представления данной культурой данного концептуально-логического содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 35–298.

2. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.

3. *Гумбольдт В.* О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 307–323.

4. *Лотман Ю. М.* К проблеме типологии культуры / Ю. М. Лотман // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 181. – Тарту, 1965. – Труды по знаковым системам, III.

5. *Лотман Ю. М.* О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб., 2001. – С. 485–503.

6. *Лебедева Н. Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1999. – 260 с.

7. Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 212 с.

8. *Карасик В. И.* Языковой круг. Личность. Концепт. Дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 392 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Артеменко Е. Б., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: kafedra.tim@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 236-41-84

Voronezh State Pedagogical University

Artemenko E. B., Doctor of Philology, Professor of Theory, History and Methods of Teaching of Russian Language and Literature Department

E-mail: kafedra.tim@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 236-41-84